

1054

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Кэрол Маринелли

ВЛЮБИТЬСЯ ПОСЛЕ СВАДЬБЫ

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Кэрол Маринелли

Влюбиться после свадьбы

«Центрполиграф»

2019

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Маринелли К.

Влюбиться после свадьбы / К. Маринелли — «Центрполиграф»,
2019 — (Любовный роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-09419-3

Сбежавшая с собственной свадьбы, Антониетта возвращается на Сицилию, где все давно отреклись от нее. Она устраивается горничной в отель и впервые в жизни увлекается мужчиной – таинственным незнакомцем, который отнесся к ней по-доброму...

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-09419-3

© Маринелли К., 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Кэрол Маринелли

Влюбиться после свадьбы

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме. Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S.A.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Secret Prince's Christmas Seduction

© 2019 by Carol Marinelli

«Влюбиться после свадьбы»

© «Центрполиграф», 2021

© Перевод и издание на русском языке,

«Центрполиграф», 2021

* * *

Пролог

– Спасибо, но я надеюсь отпраздновать Рождество со своей семьей. – Понимая, что могла показаться неблагодарной, Антониетта немедленно прибавила: – Очень любезно с твоей стороны пригласить меня, но...

– Я поняла. – Аврора пожала плечами, помогая Антониетте распаковывать вещи. – Ты приехала в Силибри не для того, чтобы проводить Рождество с Мессина.

– Ты говоришь, как настоящая Карузо! – Антониетта улыбнулась.

На кладбище в деревне Силибри, по которому Антониетта любила бродить, были похоронены многие, но она чаще всего посещала могилы Карузо, Мессина и Риччи.

Особенно Риччи.

Члены семьи Риччи жили на юго-западе Сицилии и за ее пределами, но в Силибри их было больше всего. Отец Антониетты, главный пожарный и известный землевладелец, имел хорошие связи и пользовался большим уважением.

– Ты знаешь?.. – Антониетта развесила несколько своих вещей. – Если бы я вышла замуж за Сильвестра, мне бы даже не пришлось менять фамилию. Я осталась бы Антониеттой Риччи.

– Да, ты была бы замужем за своим троюродным братом и жила бы в доме в поместье своего отца, но Сильвестр работал бы на него.

– Верно. – Антониетта запнулась.

Она довольно эффектно сбежала со своей свадьбы пять лет назад – вылезла из окна спальни, пока отец ждал снаружи, чтобы отвезти ее в переполненную церковь. Сильвестра любили в деревне, он был членом большой семьи Антониетты, поэтому последствия были ужасными. Семья отреклась от Антониетты. Все ее письма оставались без ответа. Мать вешала трубку, когда Антониетта звонила, стараясь доказать свою правоту.

Уже четыре года она живет и работает во Франции. Выучив французский язык и привыкнув к новой стране, она все равно никогда не чувствовала себя там как дома. Она приезжала в Силибри на свадьбу Авроры и Нико, но ее никто не встретил. Антониетту избегали как ближайшие, так и дальние родственники.

Они восприняли публичный отказ от Сильвестра как собственное оскорбление и неуважение к семейным ценностям и традициям.

После свадьбы Нико и Авроры она работала горничной в большом римском отеле Нико. В Риме она тоже не чувствовала себя как дома и часто рассказывала подруге, как скучает по Силибри.

Антониетта хотела воспользоваться последним шансом, чтобы исправить ситуацию. Аврора предложила ей поработать горничной в новом отеле Нико в Силибри, одновременно обучаясь на массажистку. Отель «Старый монастырь» был кропотливо перестроен и отремонтирован в соответствии со строгими стандартами Нико и теперь напоминал роскошный дворец.

Такую возможность Антониетта не хотела упускать. Однако, учитывая враждебность по отношению к ней, ясно, что жить в деревне ей будет нелегко. У Авроры было решение и для этой проблемы: на краю утеса у нее был небольшой каменный коттедж, в котором Антониетта могла жить.

– Интернет там ужасный, потому что дом находится у вертолетной площадки, – объяснила Аврора. – И вокруг никого нет.

– Надеюсь, я проживу там недолго, – ответила Антониетта. – Как только моя семья узнает, что я вернулась и работаю...

В глазах ее дорогой подруги промелькнуло сомнение. С таким же сомнением Аврора смотрела на нее, когда она сказала, что хочет провести Рождество со своей семьей.

– Антониетта?..

Она приготовилась услышать то, что ей неприятно. Аврора всегда была с ней откровенной.

– Твоя семья не общается с тобой уже пять лет...

– Я знаю это, – сказала Антониетта. – Но я и сама их сторонилась.

– Ты приезжала на мою свадьбу, – заметила Аврора. – И они тебя проигнорировали.

– Я думаю, они были просто шокированы, увидев меня. Но как только они узнают, что я вернулась навсегда...

Аврора села на кровать, но Антониетта продолжала стоять, не желая поддерживать предстоящий разговор.

– Прошли годы, – настаивала Аврора. – Тебе был всего двадцать один год, когда это произошло, а теперь тебе почти двадцать шесть! Не пора ли перестать себя ругать?

– Но я не ругаю себя, – сказала Антониетта. – Прошедшие пять лет были потрясающими. Я путешествовала и выучила новый язык. Я не бедствую, у меня все хорошо. Вот только... в Рождество бывает особенно тяжело, – призналась она. – Именно в это время я скучаю по своим близким больше всего. И мне не верится, что они не думают и не скучают по мне. Особенно мама. Я хочу дать им последний шанс...

– А как ты развлекалась? – спросила Аврора. – Я понимаю, что не все было так уж плохо, но ты не говорила о друзьях. Ты ни разу не сказала о том, что у тебя был парень...

– Ты ни с кем не встречалась до знакомства с Нико, – произнесла Антониетта, защищаясь.

– Только потому, что я всю жизнь люблю Нико, – сказала Аврора. – С ним никто не сравнится. Хотя однажды я попробовала его забыть...

Они обе рассмеялись, вспомнив, как Аврора пыталась избавиться от Нико, встречаясь с пожарным. Антониетта посерьезнела. У нее очень веская причина ни с кем не встречаться. И об этой причине не знает даже ее ближайшая подруга. Антониетта убежала в день своей свадьбы не только потому, что Сильвестр был ее троюродным братом. Она боялась их брачной ночи.

Поцелуи Сильвестра оттолкнули Антониетту, а грубые и настойчивые ласки напугали. Ее нежелание приводило его в ярость.

И за несколько недель до запланированной свадьбы она решила сбежать. Дважды он чуть не изнасиловал ее, и Антониетте пришлось умолять Сильвестра не трогать ее. Она сказала ему, что бережет себя для брачной ночи.

– Ледышка, – злобно называл он ее.

И по сей день мысль о близости с мужчиной не вызывает у Антониетты никаких чувств.

В то время она пыталась сообщить о своих опасениях матери, но совет той был совсем не обнадеживающим. Мать заявила Антониетте, что, выйдя замуж, она будет обязана раз в неделю делать своего мужа счастливым.

Чем меньше времени оставалось до первой брачной ночи, тем сильнее пугалась Антониетта. Она испытывала страх, просто думая о том, как целуется с мужчиной, не говоря о чем-то другом.

Ей хотелось поговорить об этом с Авророй. Но ее подруга была очень уверена в своей сексуальности и безумно счастлива в браке. Поэтому Антониетта держала свой секрет при себе.

– Тебе пора пожить для себя, – настаивала Аврора.

– Согласна. – Антониетта кивнула, хотя не совсем в это поверила. – Но сначала надо дать родителям шанс простить меня.

– Ради чего, Антониетта? – отрезала Аврора. – Сильвестр – твой троюродный брат, а они просто хотели сохранить свои деньги в семье Риччи...

– Все равно, – прервала ее Антониетта. – Я опозорила своих родителей перед всей их родней. Я бросила Сильвестра у алтаря! Ты знаешь, каковы последствия, Аврора.

– Да.

Похоже, в церкви разразился жуткий скандал. Однако Антониетта этого не видела. К тому времени, когда родственники начали выяснять отношения, она уже ехала на поезде из Сибири.

– Я скучаю по семье, – искренне сказала она. – Они не идеальны, но мне плохо без них. Пусть мы и не помиримся, но у нас останутся незаконченные дела. Даже если я увижусь с ними в последний раз, хочу попрощаться лично.

– Ну, мое предложение остается в силе на случай, если ты передумаешь, – произнесла Аврора. – Мы с Нико хотим, чтобы Гейб отпраздновал свое первое Рождество в Сибири. – Она вытащила кусок алой ткани из чемодана Антониетты. – Красиво. Где ты это купила?

– В Париже. – Антониетта улыбнулась и нежно провела руками по ткани. – Я купила это сразу, как только туда приехала. – Был поздний летний день, и она, написав родителям, воодушевилась перспективой примирения с ними. – Я шла по площади Сен-Пьер и заглянула в магазин тканей.

Решив порадовать себя, она нашла среди парчи и бархата кусок алого шелка и купила его.

– Почему ткань валяется без дела? – Аврора увидела, что шелк по-прежнему завернут в папиросную бумагу, и положила его в нижний ящик тяжелой деревянной тумбочки.

– Можно сшить из него подушки.

– Подушки? – Аврора была ошеломлена. – Из такой ткани надо сшить платье!

– Да ну. Где я буду его носить?

– В крайнем случае, тебя положат в нем в гроб, – сказала Аврора с типичным сицилийским мрачным юмором. – Ты будешь лежать в алом платье мертвая, а люди скажут: «Посмотрите, какая красавица!»

– Давай я что-нибудь из него сошью. – Аврора была великолепной швеей и сшила бы из шелка что-нибудь красивое, но Антониетта отдала ей ткань почти неохотно.

– Я сниму с тебя мерки, – произнесла Аврора.

– У меня нет рулетки.

Но, конечно, у Авроры рулетка была. И поэтому вместо того, чтобы распаковывать вещи, Антониетта встала перед подругой в нижнем белье, подняв вверх длинные прямые черные волосы, и Аврора стала ее обмерять.

– Ты такая стройная, – заметила Аврора. – Каждая моя нога по объему такая же, как твоя талия.

– Не говори ерунды.

Они были лучшими подругами всю жизнь и полными противоположностями. У Авроры были волнистые кудри и пышная фигура; она была крайне самоуверенной. Антониетта была сдержанной и стройной и казалась невесомой. Было прохладно, и она вздрогнула, пока Аврора не спеша записывала измерения.

Антониетта попыталась отвлечь ее.

– Скоро придет Нико, – предупредила она.

Он проверял отель, пока Аврора помогала Антониетте устроиться. Как только прилетит вертолет, Аврора и Нико отправятся в Рим.

– Ты не заглянешь к родителям?

– Я их сторонюсь. – Аврора закатила глаза. – Представляешь, они хотят, чтобы Нико нанял моего ленивого никчемного брата в качестве главного смотрителя в «Старом монастыре».

Антониетта рассмеялась. Брат Авроры действительно был ленивым.

– Я пошутила, – сказала Аврора. – Мой брат такой же бездельник, как и твой, и, разумеется, теперь, когда мы с Нико женаты, он считает, что Нико должен взять его на работу!

– Надеюсь, Нико не нанимал меня против своей воли...

– Не городи чушь, – прервала ее Аврора. – Ты труженица, и «Старому монастырю» повезло с тобой.

Тем не менее они оказали Антониетте огромную услугу, предоставив ей коттедж.

Услышав шум вертолета Нико, Аврора выглянула в окно.

– Он прилетел. – Она расцеловала подругу в обе щеки и обняла. – Удачи в работе! Увидимся в канун Рождества, если не раньше. И я серьезно, Антониетта. Если у тебя ничего не получится со своей семьей, присоединяйся к нам с Нико на праздники.

– Спасибо, – сказала Антониетта. – Но до Рождества еще пара месяцев. У меня много времени.

– Ты в порядке? – спросила Аврора. – Здесь тебе будет немного одиноко.

– У меня все хорошо, – заверила ее Антониетта. – Большое спасибо.

Нико и Аврора уселись в вертолет. Они оба с радостью возвращались в Рим, где их ждал малыш Гейб, которому скоро исполнится год. Антониетта обрадовалась, что Нико не заглянул к ней. Она скоро приступит к работе и не хочет, чтобы ее коллеги думали, будто к ней относятся по-особенному из-за мужа подруги.

Наконец Антониетта осталась одна.

Коттедж был красиво оформлен, с современной кухней и уютной гостиной. Она ходила по нему, любуясь не только мебелью, но и потрясающим видом на океан из спальни. Пляжа не было видно, а только беспокойные волны и грохот пены. Несмотря на прохладный вечер, она открыла окно, желая заглушить унижительную тишину, наступившую после ухода Авроры.

– Я дома, – сказала себе Антониетта.

Однако на душе у нее было беспокойно.

По правде говоря, в Силибри она чувствовала себя чужой.

Глава 1

Шесть недель спустя

Антонietta проснулась задолго до зимнего сицилийского рассвета. Какое-то время она лежала в темной спальне маленького каменного коттеджа, прислушиваясь к шуму набегающих и разбивающихся о скалы волн. Этот шум должен был умиротворять, но Антонietta беспокоилась.

До Рождества остается две недели, и с тех пор, как она вернулась в деревню, отношения с семьей не изменились. По правде говоря, ситуация ухудшалась. На нее косились и бормотали вслед оскорбления всякий раз, когда она отваживалась войти в деревню. Когда она пошла в родительский дом, отец захлопнул дверь у нее перед носом.

И все же она заметила тоскливый взгляд матери, стоящей в коридоре. Словно она хотела что-то сказать дочери.

По этой причине Антонietta настаивала на общении с семьей.

Сильвестр женился и уехал из деревни, так что шансов столкнуться с ним не было. Ей нравилось гулять по пляжу и знакомым холмистым склонам. Работалось ей хорошо, коллеги были дружелюбными и благосклонными, а обучение первоклассным.

Приняв душ, она зашла в гардеробную, чтобы взять униформу. В «Оратории» Антонietta носит белую униформу, а сегодня она убирает номера в отеле «Старый монастырь», поэтому ей понадобится другая.

В шкафу висела обновка.

Да, Аврора действительно была прекрасной швеей. Вчера она прислала подруге алое платье. Однако Антонiette не хотелось его примерять. Платье было смелым и чувственным.

Она решила поторопиться. Скоро начнется ее смена.

Униформа была по-настоящему ошеломляющей: сшитая из персидской оранжевой ткани, она отлично сочеталась с оливковой кожей Антонiette. Антонietta не красилась ни на работе, ни во время отдыха, поэтому подготовка не заняла много времени. Она затянула волосы в аккуратный хвост, надела жакет и пошла к монастырю.

Ее маленький коттедж стоял довольно далеко от главного здания. Но прогулка была приятной: небо стало темно-синим, звезд не было видно, а со Средиземного моря дул свежий соленый бриз.

В «Старом монастыре» уже началась суeta.

Пара джентльменов в темных деловых костюмах прогуливалась по периметру здания, и главный консьерж Пино выглядел как щеголь, тепло приветствуя ее.

– Доброе утро, Антонietta!

– Доброе утро, Пино! – ответила она.

– У нас новый постоялец.

В отеле было много гостей, но, судя по количеству охраны, новый постоялец – крайне важная персона.

Пино любил сплетничать.

– Надо называть его синьором Луи Дюпоном. На самом деле он...

Антонietta прервала его. Она обожала Пино и всегда приходила раньше, чтобы поболтать с ним. Пино недавно потерял свою любимую жену – сорокалетнюю Розу, и только работа помогала ему не свихнуться. Но, учитывая, что Антонietta – основной объект сплетен в деревне, она отказалась участвовать в них сейчас.

– Если он хочет, чтобы к нему обращались именно так, то для меня этого достаточно.

– Логично. – Пино внимательно посмотрел на нее. – Как дела, Антонietta?

– Помаленьку, – сказала она, тронутая его заботой. – А у тебя?

– Я не жду Рождества. Роза всегда делала его особенным. Это было ее любимое время года.

– Что будешь делать? Поедешь к дочке?

– Нет, в этом году она с мужем поедет к его родне, а я сказал Франческе, что буду работать. Я решил, что лучше работать, чем торчать дома одному. А как у тебя с твоими родителями?

– Никак, – призналась Антониетта. – Я заходила к ним несколько раз, но они отказываются говорить со мной. А поездки в деревню меня доконали. Судя по всему, я здесь никому не нужна.

– Неправда, – сказал Пино. – Не все Риччи одинаковы. Все наладится.

– Когда мне исполнится сто лет!

Они обменялись усмешками. Оба слишком хорошо знали, что обиды в Силибри долго не забываются.

– Ты отлично работаешь, – заметил Пино.

– Да!

Курсы массажистов, на которых она обучалась, были главной причиной, по которой Антониетта осталась в деревне, хотя семья ее отвергала. Работая горничной и обучаясь на массажистку, она все сильнее влюблялась в свои занятия. Работа в «Старом монастыре» сильно отличалась от работы в барах и кафе Франции. Антониетта предпочитала спокойную природу Силибри римской суете.

– Работа – мое спасение, – призналась она.

– И мое, – согласился Пино.

Войдя в мягко освещенный вестибюль, она вдохнула хвойный аромат. Помимо потрясающей елки, украшенной цитрусами, там не было никаких других рождественских украшений. Как заметил Нико, многие постояльцы не хотели праздновать Рождество и не нуждались в постоянном напоминании о нем, но упрямая Аврора настояла на том, чтобы в отеле поставили елку.

Оставив свои вещи в комнате для персонала, она отправилась на инструктаж к главной горничной Марии.

Местный менеджер Франческа тоже пришла рано. Горничные сообщили ей, что новый постоялец только что поселился в люксе «Август» – лучшем номере отеля.

– У меня еще нет его фото, – сказала Мария.

Его фотографию покажут всему персоналу, чтобы постояльца узнавали и относились к нему должным образом.

– Синьору Дюпону следует уделять особое внимание, – прибавила Франческа. – Если возникнут проблемы, вы должны сообщать о них непосредственно мне.

«Ах, так вот почему она пришла на работу так рано!» – подумала Антониетта. Она хорошо знала Франческу. Антониетта любила ее, но, поскольку Франческа была близкой подругой ее матери, между ними чувствовалась настороженность.

– Антониетта, сегодня ты будешь работать в «Августе», – произнесла Мария. – Когда будешь не занята, помоги Кики в других люксах. Но синьор Дюпон всегда в приоритете.

Антониетта удивилась тому, как быстро она продвинулась по служебной лестнице. Теперь ей регулярно поручали заботу о самых важных постояльцах, а Франческа сказала ей, что она идеально подходит для этой роли.

Номера люкс «Август», «Звездный свет» и «Замок» были по-настоящему роскошными, в них останавливались и члены королевской семьи, и рок-звезды, а также кинозвезды.

Антониетта идеально подходила для работы в этих люксах благодаря своему характеру. У нее достаточно собственных проблем, поэтому она не станет копаться в чужих. И ее невоз-

можно удивить ни известностью, ни титулом. От нее требовалось только вежливое отношение. Она была вежлива с постояльцами, хоть и немного сдержанна, но свою работу выполняла тихо и хорошо.

Наконец Франческа отвела Антониетту в сторону и сообщила немного больше информации.

– Синьор Дюпон отказался от услуг дворецкого. Он заявил, что хочет уединения, и его не надо беспокоить по пустякам. Ты должна выбрать самое удобное для него время обслуживания его номера. – Кроме того, синьору Дюпону может понадобиться помощь, чтобы встать с постели. Если он...

– Я не нянька, – прервала ее Антониетта.

– Я знаю. – Франческа натянуто улыбнулась угрюмой горничной. – У синьора Дюпона есть медсестра, хотя он настаивает на том, что она ему не нужна. Если ему потребуется помощь медсестры, ее можно вызвать. Предупреждаю, что он весь в синяках, поэтому не удивляйся.

– Ладно.

– Антониетта, мне, наверное, не стоит говорить тебе, кто он, но...

– Тогда не говорите, – сказала Антониетта.

Для нее это действительно не проблема. Она не сплетничает и не слушает сплетни. Персонал отеля замечательный. Пресса ни о чем не узнает. Именно поэтому в этом отеле так много эксклюзивных постояльцев.

С такой же вежливостью к постояльцам отеля относились и в деревне. Местные жители заботились о своих гостях, как о родственниках.

– Я не хочу знать его настоящее имя, Франческа, – произнесла Антониетта. – Скажите только то, что мне надо знать.

– Ну, у него своя служба безопасности, и тебе придется показывать охранникам удостоверение личности. Он забронировал люкс до сочельника. Хотя я сомневаюсь, что он продержится здесь так долго.

– Он умирает? – Антониетта нахмурилась.

– Нет! – Франческа рассмеялась. – Я имела в виду, что ему станет скучно. Он хочет, чтобы кофе ему приносили ровно в семь утра.

– Тогда мне лучше поторопиться.

Они обе пошли на кухню.

– Я только что составила график работы на праздники, – сказала Франческа. – И я хочу, чтобы ты работала в Рождество с самого утра.

Антониетта остановилась как вкопанная и уже собиралась открыть рот, чтобы возразить, но Франческа повернулась и посмотрела на нее почти с сочувствием. Антониетта поняла, что Франческа не просто так заставляет ее работать в Рождество. Мать Антониетты, должно быть, сказала подруге, что ее дочь не пригласят на семейные торжества.

– Лучше работать, чем сидеть одной в коттедже, – сказала Франческа. – Я тоже буду работать. И Пино с Кики.

«Все одинокие сердца будут работать в Рождество», – грустно подумала Антониетта.

– Я тоже работаю в Рождество, – произнес Тони – очень дородный шеф-повар, что только подтвердило мысль Антониетты.

Тони был женат на своей работе и вкладывал душу в еду, сегодня утром тоже. Для нового постояльца он приготовил большой серебряный кофейник, сливки и сахар, а также выпечку, хлеб, мясную и сырную нарезку и фрукты. Все повара, и особенно Тони, добавляли в каждое блюдо нотки сицилийской кухни.

– Тони, – заметила Антониетта, – он заказал только кофе, а ты приготовил пир.

– Он гость. – Тони пожал плечами.

– И он крупный мужчина! – Франческа широко развела руки в стороны. – Очень крупный.

В Силибри всегда питались очень сытно: даже в самом бедном доме к кофе подавали печенье и пиццу. Спорить было бессмысленно, поэтому Антониетта покатила тележку с едой к лифту.

В «Старом монастыре», хотя отель по-прежнему выглядел древним, были все современные удобства. Антониетта часто видела, как гости удивленно моргали, заходя за каменную перегородку и шагая к скромному лифту.

Она поднялась на лифте на верхний этаж и на мгновение прижалась к стене, размышляя над словами Франчески. Пора признать, что семья просто не хочет с ней знаться. Надо смириться.

Может, ей вернуться во Францию? Или в Рим?

Но она не чувствовала себя дома ни там ни там. Кроме того, ей надо окончить курсы массажистов.

Увидев свое отражение в зеркале, она выпрямилась и упрекнула себя. Постоялец не виноват в том, что она загрустила. Сделав радостное лицо, она покатила тележку мимо «Звездного света» к «Августу».

У двери люкса стоял мужчина в деловом костюме. Она и раньше знала, что гости приезжают с охранниками, но такого количества охраны в отеле не было никогда.

Охранник был не совсем дружелюбен, но, не сказав ни слова, посмотрел на фотографию на ее бейджике, взглянул на лицо Антониетты, шагнул в сторону и пропустил ее внутрь.

Она осторожно постучала в большую деревянную дверь. Ответа не последовало, поэтому, как ее учили, Антониетта вошла при помощи ключа-карты. Оказавшись внутри, она включила боковой свет и покатила тележку через тускло освещенную гостиную в главную спальню. Потом опять тихонько постучала в дверь.

Никакого ответа.

Постучав еще раз, она осторожно открыла дверь.

– Синьор Дюпон?

Ответа снова не последовало, и, хотя в комнате было темно, Антониетта поняла, что постоялец спит. Его дыхание было глубоким и ровным. Судя по очертаниям его тела, он лежал на животе в большой кровати с балдахином, накрывшись простыней.

– Я принесла вам кофе, – тихо сказала Антониетта. – Мне открыть шторы? Солнце вот-вот взойдет.

– Да, – сонно ответил он и пошевелился в постели.

Антониетта подошла к шторам, открыть которые было непросто. Окна были огромными, а темные бархатные шторы тяжелыми. Тянуть обеими руками за шнур было все равно что раздвигать занавес в театре перед спектаклем.

«Август» был ее любимым номером люкс, он занимал целое крыло «Старого монастыря», из его окон открывались панорамные виды. Из гостиной был виден океан, а из столовой – долина. Из окон главной спальни можно было посмотреть на руины древнего храма.

Антониетта взглянула в окно. Красные лучи солнца растянулись по небу, океан словно ласкался с восходящим солнцем. Она подумала, что готова вечно смотреть на эту красоту. Однако сейчас не время наслаждаться рассветом.

Антониетта обернулась и слегка вздрогнула, впервые увидев постояльца.

Он оказался не таким, каким она представляла его по описанию Франчески. Она ожидала увидеть стареющего, прикованного к постели и довольно крупного мужчину. И хотя он был действительно крупным, его было нельзя назвать тучным. Мужчина был очень рослым, широкоплечим и мускулистым.

Ему было около тридцати лет.

Однако Франческа правильно сделала, предупредив Антониетту о синяках: алые и черные кровоподтеки покрывали его руки, грудь и глаз, его верхняя губа опухла. У синьора Дюпона, или как там его звали на самом деле, были густые черные волосы, взлохмаченные и с запекшейся кровью. Ей стало немного любопытно, что случилось с постояльцем.

– Не надо было открывать, – сказал синьор Дюпон, и она догадалась, что он имеет в виду солнце. Он прикрывал глаза, пытаясь сесть в постели.

– Я могу задернуть шторы, – предложила Антониетта.

– Нет, не надо.

«Скоро я привыкну к яркому свету», – подумал Раф, хотя от боли у него пульсировало в ушах. В его мозгу снова и снова всплывали обрывки воспоминаний. Он отлично понимал, что его падение было серьезным.

Раф не боялся умирать. Однако он знал, какую печаль и хаос оставит после своей смерти, поэтому старался выжить. Он не забыл ужас на лицах своих телохранителей и панику вокруг него.

– Налить вам кофе, синьор Дюпон?

На мгновение он задумался, с кем она разговаривает. Потом вспомнил.

Он назвался чужим именем. Охрана делала все, чтобы о катастрофе никто не узнал.

Раф кивнул и посмотрел, как служанка наливает ему кофе. Как только она сняла с подноса салфетку, он услышал сладкий запах хлеба и выпечки. Его затошнило.

– Я просил только кофе.

– Вы в Силибри, – ответила она. – У нас не подают только кофе.

– Пожалуйста, скажите шеф-повару, чтобы он правильно истолковывал мои заказы, – отрезал Раф.

– Я передам.

– Уходите и заберите с собой тележку. – Он махнул рукой.

– Как скажете. – Антониетта была рада уйти. – Когда мне вернуться и убрать ваш номер, синьор Дюпон?

– Пожалуйста! – рявкнул он и с упреком уставился на нее мрачными глазами. – Не называйте меня так снова. Зовите меня по имени.

– Хорошо. – Антониетта почувствовала нервную дрожь в животе, и не от угрюмости постояльца, а от вида его темно-голубых глаз. – Как вас зовут?

– Луи... Раф! – отрезал он, потом смягчился. Горничная не виновата, что его имя тщательно скрывается. – И я не хочу, чтобы мой номер обслуживался. Просто застелите мою постель, пока я пью кофе.

Он попытался вылезти из кровати, но у него закружилась голова. Он сел в прикроватное кресло и обхватил голову руками. Его кожа стала серой.

Антониетта подумала, что его надо отвезти в больницу.

– Вам помочь? – спросила она.

– Я сам, – огрызнулся он.

– Мне вызвать медсестру, чтобы она помогла вам встать?

Он поднял голову и посмотрел на Антониетту. Она была почти уверена, что он улыбнулся. Но потом выражение его лица снова стало суровым.

– Мне не нужна медсестра. И не надо менять постельное белье. Просто уходите.

Его тон был по-прежнему резким, но Антониетта не обиделась. Ей стало понятно, что Луи – вернее, Раф – ненавидит, когда его видят слабым. Одной рукой он крепко держался за прикроватную тумбочку, а другой – за матрас. Судя по всему, ему хотелось побыть одному.

– Мне зайти позже?

– Нет. – Он покачал головой и поморщился от боли. – Я не желаю, чтобы сегодня меня беспокоили. Сообщите об этом всем.

– Хорошо.

– И закройте шторы.

Слушая, как он разговаривает, Антониетта поняла, что этот мужчина не итальянец. В его итальянском языке слышался французский акцент, который она так любила.

Антониетте вдруг захотелось узнать о нем больше. Интересно, что привело его в Силибри?

Она выкатила тележку из спальни, потом вернулась.

– Я закрою шторы и уйду. Но, пожалуйста, если вам что-нибудь понадобится, позовите меня.

Раф кивнул и озадаченно посмотрел ей в глаза. Они были почти черными, как патока, в обрамлении густых ресниц, и невероятно грустные. Горничная не выглядела подавленной или мрачной, но тоска в ее глазах вырвала Рафа из задумчивости.

К тому времени, когда горничная вернулась, Раф снова лежал в постели. Прежде чем закрыть шторы, она поставила на прикроватную тумбочку графин с водой.

– Спасибо, – сказал Раф, когда комната снова погрузилась в темноту. Горничная была ненавязчива и, в отличие от многих других, не бросалась на помощь без просьбы. Он сдержал улыбку, вспоминая, как она предложила вызвать медсестру и не стала помогать ему сама. – Как вас зовут? – спросил он.

– Антониетта.

Она вышла из номера, подкатила тележку к лифту, спустилась на кухню и взяла планшет, чтобы записать требования постояльца в компьютерной системе отеля. Она указала, что он против того, чтобы его беспокоили, а его номер обслуживали.

Потом она взглянула на его фото и покраснела. Мужчина выглядел элегантно. На нем были черные брюки классического покроя и белая приталенная рубашка. Он мрачно поджимал губы и щурился, словно угрожая фотографу.

Она зашла в его профиль и увидела запись: «Синьор Луи Дюпон. Очень-очень важная персона».

– Все в порядке, Антониетта?

Она повернулась на голос Франческа и увидела, что та болтает с Тони.

– Да-да. Я как раз сделала в системе запись о постояльце, но не могу ее сохранить.

– Потому что все запросы синьора Дюпона должны передаваться мне, – сказала Франческа.

– Он даже не пробовал мое печенье? – Тони был ошеломлен, когда увидел, что к еде не притронулись.

Франческа упрекнула Антониетту:

– Тебе следовало оставить тележку в номере, чтобы он мог поесть.

– Он ясно выразился, чего хочет. – Антониетта слегка покраснела. – Он попросил шеф-повара... – Она помедлила и слегка перефразировала сообщение Рафа: – Он попросил не добавлять к его заказу ничего лишнего.

Тони бросился прочь с кухни. Позже Антониетта узнала от Винченцо, менеджера отеля по связям с общественностью, что повар плакал.

– Ты же знаешь, какой Тони темпераментный, – отругал он ее. – Сегодня он особенно чувствительный, потому что до сих пор не получил заказов на рождественские блюда. Могла бы передать слова постояльца в более мягкой форме.

– Я и так их смягчила, – сказала Антониетта. – И потом, я думала, что Тони с удовольствием поработает в Рождество.

Винченцо только фыркнул в ответ, и Антониетте оставалось лишь гадать, что она сказала не так на этот раз. Однако времени на размышления не было, и остаток дня она работала с

Кики. Вернее, Антониетта работала, а Кики ползала как улитка, притворяясь крайне занятой. Она даже поделилась своим методом работы с Антониеттой.

– Можно подремать в туалете. Но заранее положи несколько тряпок на колени. Если Франческа тебя застукает, ты сделаешь вид, что собиралась их сложить. Никогда не скрещивай ноги, пока спишь, иначе на икре останется красный след, и Франческа обо всем догадается.

– Я не хочу ничего из этого делать, – ответила ей Антониетта.

Она знала Кики всю свою жизнь, но не была ее подругой. Кики мечтала выйти замуж и как можно меньше работать. Однажды Антониетта видела, как она дремала, когда якобы вытирала зеркало. Кики очнулась только тогда, когда Антониетта сообщила о своем присутствии!

– Вчера я видела твоего папу. – Кики лопала шоколадную конфету, пока Антониетта вытирала пыль. – Но у него было мало времени на разговоры. Он сказал, что готовится к Большому костру в сочельник. Ты пойдешь? – невинно спросила она.

– Конечно, – ответила Антониетта. – Костер на деревенской площади – это традиция. Почему бы мне не пойти?

Кики пожала плечами и взяла еще одну конфету.

– Какой он?

– Мой папа? – сказала Антониетта.

– Нет, дурочка! Новый постоялец в «Августе». Интересно, как его настоящее имя? Он важная персона. Я никогда не видела здесь столько охранников.

– Все наши постояльцы важные персоны, – ответила Антониетта, отказываясь сплетничать.

Однако при упоминании «Августа» Антониетта взглянула на свой телефон. Сообщений от Рафа не было, он не заказывал ужин. И отказался от услуг медсестры.

Раф явно не хотел, чтобы его беспокоили.

В конце смены, возвращаясь в свой маленький коттедж, Антониетта поняла, что смотрит вверх – в сторону «Августа». С такого расстояния она не увидела бы Рафа, даже если бы он стоял на балконе. Ей стало интересно, как он провел день и как себя чувствует.

Впервые в жизни Антониетта по-настоящему заинтересовалась мужчиной.

Глава 2

Следующие несколько дней работники отеля обсуждали список персонала, которому предстояло работать в Рождество.

– Это несправедливо, – фыркнула Кики. – Даже Грета не работает в Рождество, а она здесь всего три месяца.

– Но у нее дети, – заметила Антониетта. – А как тебе удалось взять выходной, Винченцо?

– Я живу во Флоренции, и мне нужно время, чтобы добраться до своей семьи.

– Но это первое Рождество в «Старом монастыре», – сказала Кики. – Менеджер по связям с общественностью должен быть здесь и строчить твитты.

– Я работаю, а не играю на телефоне, – ответил Винченцо и посмотрел на Антониетту. – Как дела в «Оратории»?

– Затишье. – Антониетта вздохнула, снимая крышку с йогурта. – Время приема полностью расписано на следующую неделю, но вчера там никого не было. Я думаю, люди откладывают процедуры на Рождество.

Она подняла глаза, когда Франческа появилась в дверях.

– А, вот и ты, Антониетта! Обслужи номер синьора Дюпона. Я знаю, сегодня у тебя курсы в «Оратории»...

– Конечно. – Антониетта встала.

– Сначала доешь, – сказала Франческа. – Он попросил, чтобы его номер обслужили в час дня.

– Хорошо, что она отправила туда тебя, а не меня, – произнесла Кики, как только Франческа ушла. – Я работала там последние пару дней. Может, он и важная персона, но он хам.

– Хам? – Антониетта нахмурилась.

– Он потребовал, чтобы я молчала, пока работаю.

– Ну, у него, наверное, болит голова, – сказала Антониетта, не добавив, что у нее, например, болит голова от болтовни Кики.

Винченцо посмотрел на часы, встал и поправил костюм и безупречно уложенные рыжие волосы, а потом ушел.

– Неужели он не видит, что потолстел? – спросила Кики, когда он ушел. – На нем не сходится пиджак.

– Оставь его в покое, – отрезала Антониетта.

Но Кики продолжала ворчать:

– Он не работает в Рождество только потому, что он менеджер.

– Нет. – Антониетта покачала головой. – Франческа тоже работает. Я, пожалуй, пойду.

– Но ты почти ничего не ела.

Антониетте хотелось скорее избавиться от Кики.

– Мне надо подготовить белье для «Августа». – Она любила разносить постельное белье по номерам. В «Старом монастыре» белье шили по индивидуальному заказу для каждой кровати, стирали и сушили без примеси отбеливателя.

Антониетта вдохнула запах свежего белья, войдя в прачечную. Вера, которая там работала, должно быть, ушла на обед. Антониетта взяла чистое белье и пошла в номер.

Охранник проверил ее документы и произнес:

– Он вернется к двум, поэтому вы должны уйти к этому времени.

– Никаких проблем.

Учитывая, что обслуживание «Августа» занимало больше часа, постояльцы отправлялись на прогулку, в «Ораторию» или ресторан, пока горничные работали. Обычно Антониетта испытывала облегчение, когда постояльцы уходили, но сегодня почувствовала разочарование.

Конечно, она все равно постучала в дверь перед тем, как войти, а когда не получила ответа, вошла и огляделась. Она размышляла, с чего ей начать, когда кто-то вошел в номер с балкона.

Она не ожидала увидеть Рафа.

– Здравствуйте! – Она потеряла дар речи, потому что на Рафе были только черные шорты для бега.

Он поздоровался и едва взглянул на нее.

– Я скоро уйду, – прибавил он.

Раф решил побегать – впервые после несчастного случая. Подняв глаза, он узнал горничную.

– У вас были выходные?

– Нет, – сказала Антониетта. – Выходных у меня не было.

– Так почему мне присылали Кики? – протянул он и закатил глаза.

Антониетта сдержала улыбку. Да, Кики тоже сводила ее с ума, но она не стала обсуждать сослуживицу с постояльцем. Вместо этого она ответила, направляясь в спальню:

– Я работала в «Оратории». – Она покраснела и прибавила: – Желаю вам приятного дня!

– Благодарю.

Антониетта принялась менять постельное белье на широкой кровати из ореха. Она работала быстро, ее сердце колотилось как сумасшедшее от близости полуобнаженного мужчины. Когда он вошел в спальню за кроссовками, она заставила себя не смотреть на него.

– Вы работаете в «Оратории»? – спросил он. – Вы массажистка?

Его голос застал ее врасплох. Она не ожидала, что этот немногословный синьор, с которым она познакомилась несколько дней назад, заговорит с ней.

– Я учусь на массажистку, – сказала Антониетта, встретила с ним взглядом и забыла обо всем. – Вы выглядите лучше, – не подумав, выпалила она.

– Мне намного лучше, – согласился он. – Хотя я все еще выгляжу так, будто меня облили краской.

Она не сдержала улыбку, увидев, как он улыбается. Синяки сине-коричневого и розового цвета покрывали левую сторону его туловища, плечо и руку. Левый глаз Рафа выглядел так, словно его намазали фиолетовыми тенями.

Но даже в таком виде Раф был потрясающим.

Оглядывая его, она осознала, что хочет прикоснуться пальцами к его длинным мускулистым рукам, широкой груди с черными волосками и плоскому животу. Она густо покраснела. Ей хотелось узнать, что с ним произошло.

Неужели он подрался? А может, попал в аварию?

– Я ненадолго, – произнес Раф, хотя обычно не объяснялся с горничными и даже особо не замечал их.

Он сел у кровати, которую она застилала, и наклонился, чтобы зашнуровать кроссовки.

Антониетта изо всех сил старалась не обращать на него внимания и не смотреть на его мощную спину и трапециевидные мышцы. Ее пальцы зудели от желания сделать ему массаж и помочь расслабиться. Но она вовремя поняла: подобное желание не имеет никакого отношения к ее работе. Просто она никогда не встречала такого мужественного человека, как Раф.

Смущенная непривычными чувствами, Антониетта быстро отвернулась и продолжила заправлять постель. Когда она натягивала простыню, он услышал их запах и снова заговорил:

– Простыни пахнут летом.

Антониетта кивнула, заправляя простыню:

– От них пахнет солнцем Силибри. Все белье сушится на улице.

– А в дождь?

– В дождь мы не стираем, – сказала она. – В отеле много белья. Его владелец, Нико...

– Я знаю Нико. Это он предложил мне приехать в Силибри, чтобы полечиться.

– А его жена, Аврора, моя лучшая подруга.

– Вы с ней полные противоположности.

– Да. – Антониетта улыбнулась. – В сравнении с ней я скучная.

– Скучная?

– Я имела в виду...

– Я знаю, что вы имели в виду. И вы не правы.

Раф встречал много людей и обладал врожденным умением быстро и лаконично определять их характер.

Например, вчерашняя горничная – неряшливая.

Консьерж Пино, который сегодня утром предложил ему побегать, – мудрый.

Его оценки были стремительными и точными. Взглянув на сегодняшнюю горничную, он вспомнил, что спрашивал ее имя. И в то утро он не смог охарактеризовать ее одним словом.

Он получил сотрясение мозга, но сегодня ему намного лучше. Глядя в ее грустные глаза, он по-прежнему не мог подобрать для нее слово.

Их разговор прервался, но не закончился, потому что вместо того, чтобы выйти на балкон и спуститься по лестнице на территорию внизу, он наблюдал, как, застелив кровать, горничная направилась к столику, взяла свой блокнот и поставила галочку в списке.

– Значит, вы учитесь на массажистку? – спросил он.

– Да. – Она кивнула. – Хотя пока работаю под присмотром. Но я умею делать маникюр.

– Ненавижу маникюр.

Антониетта знала: существует два типа мужчин, которым делают маникюр. Те, кому он необходим из-за работы, и те, кому его делают с рождения. Рафу его делали с рождения, она была совершенно уверена в этом.

Она поборолла желание подойти и рассмотреть его руки и просто взглянула на них сверху вниз. У него были изящные длинные пальцы с очень аккуратными, красиво ухоженными ногтями.

– Я скучаю во время маникюра, – сказал он.

Антониетта улыбнулась.

«Девушка с самыми грустными глазами улыбнулась. А улыбнувшись, она стала еще величественнее», – подумал Раф. Ее карие глаза сверкали, а пухлые красные губы обнажили белые зубы.

«У нее красивые губы», – размышлял Раф.

– Мне бы не разрешили делать массаж постояльцу в «Августе».

Он собирался сказать, что сожалеет об этом, но побоялся отпугнуть горничную.

Она очаровала его. Ему нравился их непринужденный разговор. Хотя он собирался побегать, чтобы собраться с мыслями, теперь он продолжает болтать, пока она убирает номер.

– Вы здесь выросли? – спросил он.

– Да, но я долго здесь не жила.

– Насколько долго?

– Пять лет, – сказала Антониетта. – И хотя мне нравилось путешествовать, я поняла, что нельзя скитаться вечно. Дом есть дом, хотя сейчас он совсем другой. И отель изменился, в нем больше постояльцев и работы.

– Поэтому вы вернулись?

– Нет. – Антониетта резко оборвала разговор.

Обычно на обслуживание номера люкс уходил час и пятнадцать минут. Сегодня это заняло немного больше времени, хотя они не разговаривали без перерыва, а просто вели тихий разговор, пока Антониетта работала, старательно отмечая пункты в блокноте.

– У вас здесь семья? – полюбопытствовал Раф.

– Да.

Она снова закрыла тему и пошла в гостиную и столовую. Вчера вечером никто не подавал ему ужин, но она все равно вытерла пыль с блестящего стола, долила коньяк в графин и поставила на место бокалы.

Раф опирался на дверной проем, наблюдая за ней. Обычно ей не нравилось, когда на нее пялились постояльцы, но с Рафом все было иначе. Его присутствие успокаивало, хотя ее сердце едва не выскакивало из груди.

Ей нравилось, что он не требует уточнений. Поэтому она решила немного с ним пооткровенничать.

– Я не общаюсь со своей семьей, – сказала она.

– Наверное, это тяжело.

– Да. – Она проверила свечи в тяжелых канделябрах. – «Август» – мой любимый номер люкс, – призналась Антониетта. – Почему вы не зажигаете свечи? Я уверена, с ними будет красиво.

– Я запомню ваш совет.

Она разволновалась, потому что не привыкла к праздным разговорам.

– Мне всегда было интересно, как выглядит номер при свечах.

– Это я тоже запомню, – сказал Раф, и на этот раз она покраснела.

– Какой у вас любимый вид из окна? – спросил он.

– Из столовой. Оттуда видна долина.

– Покажите мне.

Он встал с ней у окна.

– Когда я уезжала отсюда, – продолжала Антониетта, – вся долина была черной от лесных пожаров. – Она указала на большую поляну на склоне холма. – Там живет моя семья.

– Их дом сгорел?

– Нет, пожары остановили на подступах к Силибри, но соседняя деревня, где у меня тоже родственники, сильно пострадала. Сейчас трудно представить, что все было мертвым и черным. Я приезжала весной на свадьбу Нико и Авроры, и вся долина была в цветах. Я никогда не видела ее такой живой. Этот вид меня успокаивает. И напоминает, что, какими бы ужасными ни были пожары, после них земля восстанавливается.

– Значит, после свадьбы вы остались?

– Нет, – сказала Антониетта. – Я уехала на год в Рим, но решила приехать сюда на Рождество. – Она натянуто улыбнулась. Ей не хотелось признаваться ему в том, что прямо сейчас счастливое семейное Рождество кажется ей маловероятным. – Мне надо работать.

– Конечно.

Ничего не оставалось незамеченным, пока Антониетта наводила порядок.

Раф так и не пошел на пробежку. Вместо этого он сделал пару телефонных звонков. Антониетта занервничала, услышав, как он говорит по-французски бархатным баритоном.

– Вы француз? – спросила она после того, как он повесил трубку.

– Нет, – сказал Раф. – Но на французском говорят в моей стране. Тулано, – прибавил он. – Это между Италией и Францией.

– Я знаю, где это, – ответила Антониетта. – Я была там однажды. Но ненадолго.

Он слегка прищурился. По правде говоря, Раф не верил, что Антониетта не знает, кто он такой. Вчерашняя горничная назвала его полным именем – Рафаэль, и консьерж сделал то же самое, порекомендовав ему дорогу для бега.

Раф не сомневался, что скоро о его местонахождении узнают и сюда придут журналисты. Кратковременная передышка закончится.

– Вы говорите по-французски? – спросил он.

– Немного. Я прожила во Франции четыре года, – сказала она, а затем перешла на французский.

Она покраснела, когда Раф по-французски произнес, что ее голос звучит восхитительно на обоих языках.

Они флиртуют?

Странно, что Антониетта не пытается скрыться и отгородиться от Рафа стеной.

Его телефон зазвонил, и он вышел на балкон, чтобы поговорить.

Хотя Антониетта не подслушивала, она сразу поняла, что Раф разговаривает с Нико. Она испытала легкое разочарование, когда услышала, как Раф говорит, что не останется надолго.

Она посмотрела на него. Он сидел, положив длинные ноги на стул, осматривая территорию. Он казался пленником, который хочет сбежать. Антониетта почувствовала его беспокойство, выходя на балкон, чтобы закончить работу.

– Звонил Нико, – сообщил он, хотя в этом не было абсолютно никакой необходимости. – Проверяет, хорошо ли за мной присматривают. Он предложил мне прогуляться по деревне.

– Там есть хорошие кафе, – сказала Антониетта, стараясь говорить спокойно. Но от мысли о том, что Рафу будет скучно, ей стало не по себе. – Вы были на храмовых развалинах?

– Нет, но Пино посоветовал мне там побывать.

– И океан великолепен. – Она умолкла. В ее обязанности не входит рассказ о Силибри.

– Вы живете в деревне?

– Нет. Мне помогли Нико и Аврора. Они знали, что мое возвращение сюда будет непростым... – Она на мгновение закрыла глаза, сожалея о том, что так много болтает, а потом поспешно прибавила: – Они отдали мне свой коттедж. – Она указала на вертолетную площадку.

– Там, наверное, очень... – Он не хотел говорить об уединении.

Каким бы просторным и роскошным ни был «Август», утром Рафу не терпелось выйти на улицу. А сейчас он начал менять свое мнение.

Ему хотелось чаще видеть улыбку Антониетты и разговаривать с ней как можно дольше.

Однако все не так просто.

Если между ними начнется роман, ей придется подписать документ о неразглашении. Ее проверят сотрудники его службы безопасности. Ее телефон конфискуют на время.

Иначе и быть не может.

Да, у него были романы с женщинами без каких-либо договоренностей, но они были его потенциальными женами. Антониетта совсем другая.

– ...Очень одиноко, – сказал Раф.

– Нет, – возразила Антониетта, поливая жасмин. – Я слышу волны, шум вертолетов. Но в основном там тихо и спокойно.

– Однако, – произнес Раф, словно вынуждая ее посмотреть ему в глаза. – Там может быть слишком спокойно.

Их взгляды встретились, и Антониетте показалось, что слова Рафа накрывают ее пеленой. Торопливо отвернувшись, она заметила, как подрагивает ее рука, и почувствовала дьявольское притяжение его голоса.

Что-то подсказало Антониетте, что ее ответ важен для него. Заявление Рафа больше похоже на вопрос. И на приглашение.

– Я люблю тишину и покой, – решительно сказала она. И вместо того, чтобы снова встретиться с ним взглядом или подумать о чем-нибудь остроумном, она вернулась к своему списку и поставила галочку.

Цветы политы, номер убран. Она улыбнулась ему, но на этот раз осторожно.

– Я надеюсь, остаток вашего дня будет приятным, – произнесла Антониетта и вышла, задержав дыхание и закрыв дверь. У нее слегка закружилась голова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.